

Теперь и объяснять ничего не нужно — по голосу Вэнь Ецай сразу узнал, кто пришёл: старая Ху Цзинь, та самая неугомонная мать Ху Дашу.

Бай Пин, прижав к груди малыша, выглядел испуганным:

— Наверное, Дашу пошёл домой за деньгами, чтобы купить молока, и она его увидела. Она всегда так — стоит только заметить, что мы тратим деньги на Дие-гера, сразу начинает ворчать. Только вот... только вот...

Он не договорил, но и так было ясно: никто не ожидал, что Ху Цзинь устроит сцену прямо у ворот дома Вэнь.

Старая Ху была известной склочницей по всей деревне. Муж её умер рано, она в одиночку вырастила двоих сыновей и дочь — дело вроде бы достойное уважения. Позже дети повзрослели, сыновья обзавелись семьями, дочь вышла замуж, в доме стало полегче. Казалось бы, живи да радуйся. Но натура у неё была злобная и жадная, в доме постоянно царила сумятица, а теперь она, не стесняясь, позорилась и на людях.

Перед своими сыновьями она могла придавить авторитетом старшего поколения, прикрывшись благочестием, но у Вэнь Ецай подобное не прокатит.

— Вы сидите здесь, — спокойно сказал он. — Я сам с ней поговорю.

Обычно его улыбка излучала живость и лёгкость, но стоило ему посерьёзнеть — и сразу проступал тот самый стальной нрав, закалённый годами охоты и крови. Он отлично понимал, почему Ху Цзинь осмелилась орать у него под дверью — как и все те, кто прежде пытался сесть ему на шею.

В семье Вэнь не осталось никого: отец с матерью ушли из жизни несколько лет назад, и теперь старшим оставался он один — и при этом всего лишь гер. Единственный мужчина в доме — Санья — ещё мал и к тому же болен, безвылазно сидит на лекарствах. Родственники живут в других деревнях и ни на кого из них нельзя положиться: хорошо, если они просто не мешают жить, а когда по-настоящему прижмёт — заступиться будет некому. Потому Вэнь Ецай давно уже усвоил простую истину: чтобы твоя семья могла стоять на своём в деревне, нужно быть готовым идти до конца.

Он таких сцен за эти годы видел немало и давно перестал бояться. Да и дома у него были Даван с Эрваном — два охотничьих пса, выдавшие кровь. Если их выпустить, то даже десять мужиков у ворот — не проблема.

Он закатал рукава и с боевым видом шагнул к двери, готовый дать отпор, но на полпути его остановил голос:

— Я осматривал ребёнка, и если она пришла устраивать скандал из-за этого, мне тоже следует пойти с тобой.

— А тебе туда зачем? — тут же огрызнулся Вэнь Ецай, даже не подумав. Голос его звучал резко и неприязненно.

Он обернулся и увидел Юй Шанчжи, спокойно сидящего в стороне. Его присутствие, как всегда, было уравновешенным и сдержанным, словно он сам был воплощением утончённой картины. Тем более, что Юй Шанчжи всё ещё болел, к тому же не мог видеть — как Вэнь Ецай мог допустить, чтобы тот, его бережно охраняемый муж, вышел и встал лицом к лицу с той безумной старухой?

Хотя говорил он с оттенком «ты только всё испортишь», Юй Шанчжи не обиделся и от своего решения отступить не собирался.

Юй Шанчжи сам встал на ноги, явно не собираясь позволить Вэнь Ецаю поддерживать себя — взял в руку деревянную трость и, ощупывая дорогу, собрался идти к выходу. Вэнь Ецай и представить не мог, что его так просто проигнорируют. Сдерживать раздражение он не стал, и, стиснув зубы, с тяжёлым шагом подскочил и крепко взял Юй Шанчжи за локоть.

— Иди, если уж так решил. Но стой за моей спиной, ясно? Не гляди, что Ху Цзинь стара, — совести у неё ни капли, от неё чего угодно можно ожидать.

На этот чрезмерно опекающий тон Юй Шанчжи мог только безмолвно вздохнуть.

— Брат Цай, я старше тебя — тебе не обязательно так меня защищать.

— Когда мы обручались, мы сверяли гороскопы, помнишь? — отрезал Вэнь Ецай. — Ты старше меня всего на один год. А сам хрупкий, даже мне проигрываешь в силе. Сейчас к тому же слепой. Если я тебя не прикрою — ты что, сам по себе от дома до деревни доберёшься, да ещё целый?

Юй Шанчжи на мгновение замолчал. Теперь он уже не беспокоился за Вэнь Ецай — с таким бойким языком тот уж точно в перепалке не проиграет.

Они вместе вышли из главной комнаты и, пройдя к середине двора, услышали, как крики снаружи становились всё чётче и яростнее.

В это время деревня уже проснулась: кто-то пошёл в поле, кто-то в горы, кто-то пас коров или гнал уток — у каждого свои заботы. Но, услышав шум у дома Вэнь, немало людей отложили дела и потянулись посмотреть, что происходит.

Лицо Ху Дашу, и без того смуглое, теперь налилось красным от злости — дома он уже успел

устроить с матерью скандал.

Старший брат, Ху Даши, с первыми лучами рассвета утащил в город вязанку хвороста — продавать. Старшая невестка, при сыне, в доме чувствовала себя уверенно, ещё и подлила масла в огонь. А Ху Дашу, как ни злись, с ней ничего поделать не мог.

Когда мать вздумала явиться в дом Вэнь разбираться, он её остановить не сумел — бить родную мать рука не поднималась. А теперь, когда всё докатилось до такого позора, он чувствовал себя так, будто мог провалиться сквозь землю.

— Мама! Я пригласил Юй-ланчжуна, чтобы он осмотрел Дие-гера, заплатить врачу — это нормально! Кто кого обманул? Вернись домой, ну пожалуйста!

Но Ху Цзинь не собиралась отступить. Она тут же заорала в ответ, перекрывая его:

— Что за болезнь у Дие-гера?! Я вчера ночью ни звука не слышала! Думаешь, я не понимаю, что это всё твой плут Бай Пин тебе в уши шепчет? Этот своенравный гер всё тебе нащёптывает, только чтобы ты деньги тратил на этого бесполезного гера! Чуть что — и сразу за серебром! Сынок, ты совсем с ума сошёл!

Отругав его, Ху Цзинь стала с яростью тыкать пальцем в сторону двора Вэнь Ецай, топая ногами:

— Этот Бай Пин всё время вертится рядом с Вэнь Ецаем! Я давно знала, что он ни на что хорошее не способен! А сам Вэнь Ецай — бесстыжий, не пойми откуда притащил какого-то полумёртвого мужика и ещё в дом его затащил! Ты всё твердил — ланчжун да ланчжун, а ты сам хоть знаешь, кто этот ваш Юй такой? Лекарь? Ха! Да они все сговорились, чтобы из тебя деньги тянуть!

Слова становились всё безумнее. Услышав подобное, Юй Шанчжи, лицо которого потемнело, ускорил шаг. Он знал — с Вэнь Ецаем рядом ему ничто не угрожает, можно спокойно идти вперёд.

Они без помех добрались до ворот. Даван и Эрван, по одной собаке с каждой стороны, встали, обступив их полукольцом. Вэнь Ецай с силой распахнул калитку.

Так как в доме были собаки, забор и ворота всегда укрепляли особенно тщательно. Ху Цзинь стояла слишком близко и едва не получила створкой по лицу, с испугу попятилась назад.

Но, не будь она Ху Цзинь, если бы не воспользовалась случаем: завопив, она с громким стоном рухнула на землю.

— Я старая, кости у меня хрупкие! Вы что, убить меня хотите?!

На этом моменте даже многие из собравшихся деревенских зрителей не выдержали — уж слишком наигранно. Все знали: в скандалах и катаниях по земле Ху Цзинь была мастером. Она успела разругаться, кажется, со всей деревней.

Однако, хоть многие из собравшихся и не одобряли выходку Ху Цзинь, Вэнь Ецай тоже не вызывал у них особой симпатии. Гер, который не хочет сидеть тихо в доме, а лезет во всё — уже само по себе считалось предосудительным. Слова Ху Цзинь, будто Юй Шанчжи — его прижитый мужик, на самом деле просто озвучили то, что и так уже давно шептали друг другу по деревне. Тем более, что этот самый новоявленный зять Вэнь — его привезли в дом буквально на грани жизни и смерти, никто и не знал, жив он или мёртв. А теперь, прошло-то чуть больше дня, а он уже, видите ли, лекарь, и лечит чужих детей?

Народ сгрудился у ворот, словно пустил корни, никто и не думал расходиться. Но смотрели они вовсе не ради криков старухи Ху — все ждали, увидят ли наконец этого таинственного зятя Вэнь Ецай. Хотели убедиться, правда ли то, что говорят.

И вот двери распахнулись — и те, кто пришёл посмеяться над Вэнь Ецаем, и те, кто просто жаждал взглянуть на Юй Шанчжи, — все получили, чего хотели. Сплетни замерли на губах.

Никто не ожидал, что у такого "уродливого" гера, как Вэнь Ецай, может оказаться муж с такой внешностью: черты лица — словно вырезаны из нефрита, облик — почти неземной.

Собравшиеся геры и девушки, казалось, ослепли от этой красоты — глядели, затаив дыхание, и, едва взглянув, уже начинали краснеть.

К несчастью для любопытных, насладиться зрелищем толком не удалось — Вэнь Ецай уже начал ругаться, отвлекая внимание всей толпы.

— Как это — «убить тебя хотят»? Что, твоя жизнь такая дешёвая, что за калитку выйти — уже смерть? Знаешь ведь, что старая и кости хрупкие, так хоть бы стыд имела, да накопила немного добродетели! С утра пораньше нормальные люди делом занимаются, а ты только и умеешь, что к чужому дому приползать и истерики закатывать. Чем старше становятся некоторые, тем меньше у них стыда остаётся!

С этими словами из-за угла, запыхавшись, подоспела Вэнь-эрню и с возмущением добавила:

— Тьфу! Тьфу-тьфу-тьфу! Стыда нет совсем!

Ху Цзинь и представить не могла, что Вэнь Ецай и вправду выведет на глаза публике того самого Юя. Метнув на обоих злобный взгляд, она закатила глазами и вдруг хлопнула себя по бедру:

— Соседи! Посмотрите-ка повнимательнее! Всё ещё думаете, будто они не обманщики? А этот

ваш Юй — он же слепой!

Слепой — и лечит людей?

Словно обнаружила сокровище, Ху Цзинь начала визжать, будто открыла истину, которую должен услышать весь род.

— Что? Мужик, которого взял себе Цай-гер — мало того что хилый, так он ещё и слепой?!

— А кто ж думал иначе? У кого есть глаза, руки да ноги — такой к старому геру в дом не пойдёт!

— Сейчас речь уже не о том, кто к кому в дом пришёл, — кто-то из толпы качнул головой. — Уж Ху Цзинь, может, и болтлива без меры, да в этот раз... я гляжу, вроде и правда дело говорит.

— Вот-вот! — вторил другой. — Я-то уже одной ногой в земле, пожил немало, но чтоб слепой лечил — не слышал никогда! Слепцы гадать могут, а вот болезни лечить?..

Сельчане один за другим начали склоняться на сторону Ху Цзинь. Им её вопли вдруг показались разумными, и теперь они дружно решили, что семья Вэнь действительно виновата.

Толпа разболталась не на шутку, голоса становились всё громче, и теперь никто уже не пытался приглушать речи — словно нарочно говорили так, чтобы всё долетело до ушей Вэнь Ецай и Юй Шанчжи.

"Слепой туда, слепой сюда" — одно слово, да в упор, по больному месту. Если бы это касалось только его самого, Вэнь Ецай, привыкший к насмешкам, мог бы и не обращать внимания. Но когда эти слова начали звучать в адрес Юй Шанчжи, когда на него стали тыкать пальцем, гнев в сердце Вэнь Ецай вспыхнул мгновенно, взметнулся до самой макушки.

Вэнь-эрню, стоявшая рядом, заметила, что её старший брат вдруг замолчал и только исподлобья сверлил Ху Цзинь ледяным взглядом — тут же встревожилась. Плохо! Когда её брат молчит — это и есть самое страшное. Ведь у него характер вспыльчивый, и уж если он затих — значит, вот-вот взорвётся.

Именно в тот момент, когда Вэнь-эрню уже молча наклонилась, собираясь схватить за поводки Давана и Эрвана — лишь бы брат в гневе взаправду не спустил собак, — произошло неожиданное.

Кто-то сделал шаг вперёд и встал между Вэнь Ецаем и Ху Цзинь, заслоняя его собой.

Голос прозвучал спокойно, без спешки, но с непреклонной ясностью:

— Старуха, если вы не верите в моё врачебное мастерство — говорите со мной. А наезжать на гера и девок — велика ли в том доблесть?

Изо рта Ху Цзинь полетели брызги:

— Да что я, старая баба, могу! А ты, гляжу, важный! На одну только харю глянуть — так понятно, как ты этого старого гера окрутил! В дом затащил, в постель заманил, а теперь ещё и прикидываешься лекарем, людей лечишь?! Сердце у вас чёрное до последней жилки!

Юй Шанчжи не стал даже спорить по сути — по тому, как ловко она уводила тему в сторону, ему стало ясно, чего на самом деле хочет эта женщина. Всё предельно просто: с одной стороны, она решила «преподать урок» Бай Пину, который слишком тянулся к мужу и не слушался мать; с другой — нашла предлог зацепиться за него, чужака, и, может, вытрясти немного серебра.

Он ведь по-прежнему чужой в этих краях. В чужом селе легко быть козлом отпущения: деревенские не любят пришлых, а таким, как Ху Цзинь, и вовсе стоит только бросить обвинение — и его с радостью подхватят.

Сейчас с Дие-гером всё стабильно, и, как бы он ни страдал ночью, простому деревенскому люду этого не доказать. Сказать, мол, давайте пригласим другого лекаря — а кого? Ближайший так называемый «травник» — это тот самый У-ланчжун, известный шарлатан. Лучше уж совсем никого не звать.

Юй Шанчжи в прошлой жизни видел немало так называемых «медицинских скандалистов»: такие ломались в клиники, устраивали шоу, а потом их выносила охрана, и подключались юристы. Подобные люди понимали всё прекрасно, но действовали по принципу «босому не страшен обутый». Они знали, что медицинские учреждения дорожат репутацией и часто предпочитают откупиться, лишь бы замять дело. А вот с такими, как Ху Цзинь — кто устраивает открытую истерику, не пытаясь даже казаться разумным — в условиях этой деревенской среды, наоборот, разобратся проще всего.

Юй Шанчжи скрестил руки, лицо его оставалось спокойным, вежливым и непоколебимым, будто не задевало ничто. Но в сердце он уже всё просчитал.

— Я, может, и не очень талантлив, но всё же — я учился, немного книг читал, и, пожалуй, знаю пару слов, — заговорил он негромко, но ясно. — Раз уж ты, старуха, так рвёшься спорить, что ж — давай рассудим по порядку, с самого начала.

<http://bllate.org/book/13600/1205924>